

Бурёнушка

Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь с царицею, и была у них та дочь, Марья-царевна. А как умерла царица, то царь взял другую жену, Ягишну. У Ягишны родилось две дочери: одна — двоеглазая, другая — троеглазая. Мачеха не залюбила Марьи-царевны, послала ее пасти коровушку-буренушку и дала ей сухую краюшку хлебца.

Царевна пошла в чистое поле, в праву ножку буренушке поклонилась — напилась-наелась, хорошо снарядилась; за коровушкой-буренушкой целый день ходит, как барыня. День прошел, она опять поклонилась ей в праву ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлеба назад принесла, на стол положила. «Чем жива живет?» — думает Ягишна; на другой день дала Марье-царевне ту же самую краюшку и посылает с нею свою большую дочь.

— Присмотри, чем Марья-царевна питается? Пришли в чистое поле; говорит Марья-царевна:

— Дай, сестрица, я поищу у тебя в головке. Стала искать, а сама приговаривает:

— Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!

Сестрица заснула, а Марья-царевна встала, подошла к коровушке-буренушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась и ходит весь день как барыня. Пришел вечер; Марья-царевна разрядилась и говорит:

— Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдем домой.

— Охти мне! — взгоревалась сестрица. — Я весь день проспала, ничего не видела; теперь мати забранит меня!

Пришли домой; спрашивает ее мати:

— Что пила, что ела Марья-царевна?

— Я ничего не видела.

Ягишна заругалась на нее; поутру встает, посылает троеглазую дочь.

— Поди-ка, — говорит, — погляди, что она, сука, ест и пьет?

Пришли девицы в чистое поле буренушку пасти; говорит Марья-царевна:

— Сестрица! Дай я тебе в головушке поищу.

— Поищи, сестрица, поищи, родима! Марья-царевна стала искать да приговаривает:

— Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи глазок! Спи-спи, другой!

А про третий глазок позабыла; третий глаз глядит да глядит, что робит Марья-царевна. Она подбежала к буренушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась; стало солнышко садиться — она опять поклонилась буренушке, разрядилась и ну будить троеглазую:

Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдем домой.

Пришла Марья-царевна домой, сухую краюшку на стол положила. Стала мати спрашивать у своей дочери:

— Что она пьет и ест?

Троеглазая все и рассказала. Ягишна приказывает:

— Режь, старик, коровушку-буренушку.

Старик зарезал; Марья-царевна просит:

— Дай, дедушка родимый, хоть гузённую кишочку мне.

Бросил старик ей гузённую кишочку; она взяла, посадила ее к верее — вырос ракитов куст, на нем красуются сладкие ягодки, на нем сидят разные пташечки да поют песни царские и крестьянские.

Прослышал Иван-царевич про Марью-царевну, пришел к ее мачехе, положил блюдо на стол:

— Которая девица нарвет мне полно блюдо ягодок, за себя замуж возьму.

Ягишна послала свою большую дочь ягод брать; птички ее и близко не подпускают, того и смотри глаза выключают; послала другую дочь — и той не дали. Выпустила, наконец, Марью-царевну; Марья-царевна взяла блюдо и пошла ягодок брать; она берет, и мелкие пташечки вдвое да втрое на блюдо кладут; пришла, поставила на стол и царевичу поклон отдала. Тут веселым

пирком да за свадебку; взял Иван-царевич за себя Марью-царевну, и стали себе жить-поживать, добра наживать.

Долго ли, коротко ли жили, родила Марья-царевна сына. Захотелось ей отца навестить; поехала с мужем к отцу в гости. Мачеха обворотила ее гусынею, а свою большую дочь срядила Ивану-царевичу в жены. Воротился Иван-царевич домой. Старичок-пестун встает поутру ранехонько, умывается белехонько, взял младенца на руки и пошел в чистое поле к кусточку. Летят гуси, летят серые.

— Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матерь видали?

— В другом стаде. Летит другое стадо.

— Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матерь видали?

Младёного матерь на землю скочила, кожух сдернула, другой сдернула, взяла младенца на руки, стала грудью кормить, сама плачет:

— Сегодня покормлю, завтра покормлю, а послезавтра улечу за темные леса, за высокие горы!

Старичок пошел домой; паренек спит до утра без разбуду, а подмененная жена бранится, что старичок в чистое поле ходит, всего сына заморил! Поутру старичок опять встает ранехонько, умывается белехонько, идет с ребенком в чистое поле; и Иван-царевич встал, пошел невидимо за старичком и забрался в куст. Летят гуси, летят серые. Старичок окликивает:

— Гуси вы мои, гуси серые! Где младёного матку видали?

— В другом стаде. Летит другое стадо.

— Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матерь видали?

Младёного матерь на землю скочила, кожу сдернула, другую сдернула, бросила на куст и стала младёного грудью кормить, стала прощаться с ним:

— Завтра улечу за темные леса, за высокие горы! Отдала младенца старику.

— Что, — говорит, — смородом пахнет?

Хотела было надевать кожи, хватилась — нет ничего: Иван-царевич спалил. Захватил он Марью-царевну; она обернулась скакухой, потом ящерицей

и всякой гадиной, а после всего веретёшечком. Иван-царевич переломил веретёшечко надвое, пятку назад бросил, носок перед себя — стала перед ним молодая молодица. Пошли они вместе домой. А дочь Ягишны кричит-ревет:

— Разорительница идет! Погубительница идет! Иван-царевич собрал князей и бояр, спрашивает:

— С которой женой позволите жить? Они сказали:

— С первой.

— Ну, господа, которая жена скорее на ворота скочит, с той и жить стану.

Дочь Ягишны сейчас на ворота взлезла, а Марья-царевна только чапается, а вверх не лезет. Тут Иван-царевич взял свое ружье и застрелил подмененную жену, а с Марьей-царевной стал по-старому жить-поживать, добра наживать.